Содержание

Александр Житенев.
«В иную реальность как на работу» . . . 5

Минускнамперфектум (2018) 11

Кинохроника (2019) 29

Современники (2020) 45

Однодневки (2021) 59

Безвременье (2022) 73

Тантум футурум (2023) 89

Тайм-менеджмент (2024) 107

«В иную реальность как на работу»

Поэтическая книга, выстроенная вокруг текстов одного типа, кажется отчасти аскезой, отчасти игрой. Аскезой — поскольку налицо отказ от ряда возможностей в пользу одной, игрой — поскольку этот отказ все равно предполагает поиск разнообразия. Идея в том, чтобы запретить себе в стихе как можно больше и в то же время ничем особенно себя не ограничить; подчинить себя логике формы и оставить возможность ускользнуть за пределы любых ограничений.

Шестистишия Дарьи Суховей — долгий, но не завершенный проект; книга, предлагаемая читателю, — репрезентативное не-целое. По ней можно составить представление об общей логике движения и направлениях внутри него, но не о всех сделанных шагах. Многое оказывается изъято, и свидетельство тому — пропуски в текстовом корпусе, где все стихотворения пронумерованы. В книгу вошло 107 стихотворений; за скобками осталось почти в десять раз больше.

Стихи каждого года сопровождаются заголовками с семантикой времени. Каждый заголовок сообщает и о режиме восприятия времени, и о соотнесенности с неким пониманием актуальности. «Минускнамперфектум» и «Тантум футурум» могут быть противопоставлены как полюса: «минус» указывает на изъятие давно прошедшего, «футурум» — на устремленность в будущее. «Тайм-менеджмент» и «Однодневки» акцентируют ускользание времени; «Кинохроника» и «Современники» подчеркивают позицию наблюдателя.

Педантичная нумерация и точная датировка шестистиший вызывают ассоциации с дневниковым письмом. Непоследовательные указания на место написания текста укрепляют это предположение. Дневник явно оказывается

формообразующей рамкой; отчасти это способ сохранить голос, отчасти — способ запечатлеть ускользающее, но, видимо, прежде всего — способ сохранить непрерывность собственного сознания в эпоху катастрофических перемен.

Возможно, именно дневниковая основа определяет специфический модус лирического в этой книге — ритуально-бытовой: интересует повторяющееся, устойчивое, повседневное. Дом-«испрработы»-дом, встречи-книги-встречи и т. д. В этом смысле «Шестистишия» — книга о перемещениях, книга-пунктир, в которой главное — не в отдельном высказывании, а в совокупности высказываний или даже между ними. Важно протянуть нить из вчера в завтра, и на это нацелена поэтическая работа.

Книга предполагает такую интерпретацию поэтического, в которой все «весомое», «программное» кажется нескромным, поэтому от его выражения стоит уклониться, заменить багателями. Шестистишия — идеальная форма для отступлений и частных замечаний. Но выбор частного в ненадежное время — сам по себе уже некоторая «программа», которая, с одной стороны, уводит в стихию устности и дружеской речи, а с другой — в сторону литературной игры. Нередко они совпадают, что для Суховей-филолога неудивительно.

Практика стихотворений-«вторжений», предполагающая реконструкцию чужой поэтической системы, предъявление ее порождающей модели, уже использовавшаяся Суховей в шестистишиях 2015–2017 годов, есть и в текстах 2018–2024 гг. Но если ранее круг участников диалога был очень широким, то теперь отсылки узнаются разве что к Вс. Некрасову и Г. Сапгиру. Может быть, еще — к Я. Сатуновскому. Поэзия опять возвращается к минимализму, к поиску спонтанной речи, в которой вдруг проступает лирическое содержание.

Но, кажется, этот поиск иногда запинается — и шестистишие сопровождается авторским комментарием,

призванным пояснить жанр, раскрыть «сделанность», указать на аллюзию: «стихотворение про дворника, написанное с использованием одного слова, повторенного 12 раз»; «самый короткий из возможных текст — 6 не сочетающихся между собой однобуквенных значимых слов русского языка»; «растянувшийся лимерик», «очередное определение поэзии».

Занимательная нумерология, если и не предлагает объяснения именно шести строк как формального признака — в сущности, единственного, поскольку и ритмический рисунок, и наличие-отсутствие рифм, и характер разбивки строк на группы — все это в книге вариативно, — то, по крайней мере, расширяет круг вероятных ассоциаций: «число союза и равновесия», «знак удачи или счастья», указание на «шесть дней творения», «численное выражение вселенной». Выбрать можно любой из этих рядов — и это всегда будет ряд текста как микрокосма.

Можно зайти и с другой стороны — со стороны поэтической меры; шесть — ни много, ни мало. Больше, чем одно четверостишие, но меньше, чем два; возможно, некоторая часть недописанной секстины; вероятная пара двух терцетов — при определенных условиях. То есть это и промежуточная форма, часть чего-то большего — и форма самая что ни на есть «серьезная», самодостаточная. Это текст как акробатический трюк, в котором все «быстро, правильно и красиво» (Е. Фанайлова), и в то же время текст как протяженность, где до последней строки надо еще «дотащиться» (Д. Пригов).

Трюк как совершение на глазах изумленного зрителя чего-то, превосходящего меру разумения, сдвигающего границы реальности — удачная ассоциативная параллель к поэтологии Суховей. Ее стихи по преимуществу именно «трюковые», построенные на каком-то одном ярком семантическом жесте, и это факт, который стоит воспринимать совершенно безоценочно. Сегодня, когда

одновременно существует столько поэтик, кажется, не стоит удивляться тому, что есть поэтики «игровые», связывающие поэзию с эффектом изумления.

Стоит, наверное, вспомнить, что «поэтики изумления» были популярны в эпоху барокко; уместно, кажется, отметить, что барокко как искусство «интенсивного напряжения деталей» (В. Шкловский) давно уже рассматривается как трансисторическая модель любого построенного на антиномиях, выдвинутого в хаос искусства. Логика открытого перечня, призванного охватить утратившую меру реальность, в книге Суховей — явная примета «паратактического» построения целого и связанной с ним «автономии образов» (И. Кукулин).

Поэтический жест часто соотнесен с речетворчеством, и в книге много разных его примеров, связанных с игрой моделями словообразования (молодежь — стареежь, вкусняшечки — нельзяшечки, тулуз-лотречина — лотреамонина), корнями и аффиксами (утровень — вечервня), изобретением словоформ (платочки шейны — платочки носовы), непривычным прононсом (сейчац и здец), использованием поэтики полуслова (-сы висят — -сков сезон) и т. д. Филологически обостренное чувство слова здесь важно, и оно является условием восприятия текста.

Поэзия всегда может быть изготовлена из подручных средств, в ход может пойти что угодно, любой речевой материал; поэтическое возникает в артистическом оперировании словами, а не заключается в них самих. Это искусство ситуирования, искусство организации контекста, в котором, например, роль поэтизмов вдруг приобретают термины: «под фрактально-фреймовым дендроидом / герпеоид гностицирует с фруктоидом / а гиноид дискутирует с андроидом».

В версии Суховей поэзия — это еще и искусство вслушивания и вглядывания, когда значение слова в контексте вдруг расслаивается («я посадил дерево / а ты посадил

пятно», «как работает сердце / как работает картинка хуана миро»), оказавшиеся в одном ряду слова кажутся однокоренными («разорить розарий», «капли скапливаются»), а вариативное написание приобретает значение стилевого ресурса («мы пищим пищим пищим / для детей и для му[жч/щ]ин»).

Характерно, что в этой небольшой книге обнаруживается целый ряд поэтологических стихотворений, где в фокусе то и дело оказывается недостаточность условий для появления текста: «поэзия есть свет / и существо / и вещество // ещё бывает так что света нет / и существо сбежало / и вещества осталось мало». Иногда этого «вещества» хватает только на «нулевой» текст, в котором слово заменено следом самого себя, что снова напоминает о пунктирности проекта и зонах «непрозрачности» в нем: «[пробел] / [два пробела] / [пробел] / [два пробела] / [пробел]».

Кружение почти каждого текста вокруг минимальности и отсутствия слова не отменяет разговора о лирическом событии. Другое дело, что в формате шестистиший это событие тоже сжимается, сворачивается в точку единичного наблюдения или сдержанного суждения. Событийным часто оказывается едва заметный смысловой сдвиг, пересечение незримой границы — обыденности и праздника, например, и тогда сюжетом стихотворения оказывается порыв, взлет, карнавализация: «но времени ремни уже ослабли / и на́ небо взметнулись дирижабли / украшены цветами и бантами».

Самой простой формой такого сдвига оказывается стремительное физическое действие, которое может рассматриваться как зримая параллель к внутренним трансформациям: «отпрыгиватель / отпрыгивает / от подпрыгивателя», «бежит бегун а за ним ещё четыре / бежит бегун он бежит бегом». Но в «щели между этим и следующим карнавалом» возможен и момент стасиса,

связанный, как правило, с сюжетом восхищения: «золотой человек / и женщина с головой кошки на коленях / сидящая на прогретом солнцем / гранитном подоконнике дома зингера / берут сигареты из пачки // жаль что я так и не починила фотоаппарат».

Эстетизированной реальности порыва и любования, которая прежде всего попадает в стихи, противостоит мир, в котором реальность «штробится и меркнет», в котором вопрос «имеет ли смысл / готовить к изданию / календари / на следующий год» не кажется бессмысленным. Это исторический фон частной жизни, который способен вывести из равновесия и даже парализовать, если уделить ему внимания больше, чем того требуют текущие задачи.

История в книге проступает мельком, в чем можно усмотреть и сознательное самоограничение, и попытку информационного детокса. Как и любая современная книга, книга Суховей, в частности, рассказывает об опыте самосохранения. В этом ее актуальность и ценность — локальная, но не только. «Весь рабочий день / я мечтаю пойти посмотреть на трухлявый пень». В такой формулировке нетрудно себя узнать. А узнавание — вопреки формалистам, возможно, самый ценный опыт в ситуации долгого и не проработанного обществом невроза.

Александр Житенев

Минускнамперфектум

(2018)

.

сегодня всяких дел у нас навалом
повременить бы с этим карнавалом
но времени ремни уже ослабли
и на́ небо взметнулись дирижабли
украшены цветами и бантами
а на земле всё охраняется ментами

15янв18 (759)

.

отпрыгиватель
отпрыгивает
от подпрыгивателя
который
всё подпрыгивает
да подпрыгивает

23янв18 (761)

.

— давай играть в нельзяшечки
нам не открыть вкусняшечки

— так поиграем в можнечки
я прихватила ножнички

влетаем белой птицею
в конфликт с бортпроводницею

7фев18 (773)

.

шурх шурх
шурх шурх
шурх шурх шурх
шурх шурх
шурх шурх
шурх

7мар18 (794, стихотворение
про дворника, написанное
с использованием одного слова,
повторённого 12 раз)

.

раз ноги влезли в сапоги
давай беги
вот так, сапог за сапогом
беги бегом
когда сваляется носок
считай — убёг

16мая18 (823)

.

золотой человек
и женщина с головой кошки на коленях
сидящая на прогретом солнцем
гранитном подоконнике дома зингера
берут сигареты из пачки

жаль что я так и не починила фотоаппарат

4-5июн18 (832)

.

половина её натуры
конфликтует с другой половиной её натуры
из-за фигуры

стоящей на шахматном столике
надолго отложенной партии
с самою собой

13июн18 (843)

.

билет на поезд вильнюс-ленинградас
во сне и наяву
весёлым в трезвость и хрустящим в радость
я ничего живу
рабочий телефон домашний адрес
врастаются в траву

30июбр18 (859)

.

дрызг брызг от того что падает твёрдое
физическое тело и собой выталкивает
жидкость под воздействием силы тяжести
и прочих малоизвестных в детстве мира причин

а это всего-то мы кида-
ем камешки на середину пруда

9июл18, Орехово-Северное (872)